

Лететь над облаками и пребывать в состоянии нирваны можно бесконечно. Бескрайнее белое пространство, похожее то на взбитые сливки, то на разбросанную вату, а то и вообще на гигантское всклокоченное покрывало, притягивает взгляд и погружает в гипноз. Непрерывно превращаясь во что-нибудь, облака иногда расступаются, и внизу видно темно-зеленую землю, синие моря и коричневые пустыни. Смотришь на них, не отрываясь, и представляешь себя ангелом, созерцающим из стратосферы жизнь на Земле.

Мумбайский аэропорт — для ангелов, может, и не самое подходящее место, но для тех, кто идет сюда на посадку, здесь начинается Индия, здесь начинается другая жизнь. Первые шаги по непривычному миру, где нужно обзавестись местными рупиями, нанять такси до железнодорожного вокзала и погрузиться в океан незнакомых запахов и звуков.

Еще темно, до рассвета чуть больше часа, а все кругом живет, движется и благоухает, Индия прет отовсюду, как пар из закипающего самовара. Полчаса езды на такси от аэропорта и на светящем небосклоне появляется силуэт английского замка с сарацинскими мотивами — вокзал Виктория Терминус. Это только издалека он похож на заброшенный замок, верхняя часть которого пытается слиться с отступающей темнотой ночи. На самом деле народу внизу наберется на несколько десятков поселков. Куча людей трется там днем и ночью, они ходят, стоят, сидят, тут же, на земле, спят и едят, подстелив тряпку, а между ними дети, собаки и баулы с вещами. Кто-то неотрывно смотрит на тебя, кто-то просит денег, кто-то предлагает свои услуги. Если вы здесь в первый раз, то поначалу лучше не обращать на них внимания, а думать, что вся эта толпа темнокожих людей в разноцветных одеждах просто снится в добром интересном сне.

Легкая и почему-то даже приятная паника охватывает, когда начинаешь искать кассу и поезд на свое направление. Вокзалов в Мумбае несколько, Виктория Терминус — самый старый, необычный и самый большой, потеряться здесь проще простого. Даже зная язык, не сразу разберешься, куда идти, следуя разным советам. Кроме того, классов вагонов в индийских поездах больше чем у привычных РЖД, впрочем, оно и понятно, пропасть между бедными и богатыми гражданами здесь огромная да и каст побольше.

Мои дед и отец были железнодорожниками, видел я строящийся БАМ, с детства впитывая запах шпального креозота. Ничего привычной железной дороги, поездов и вокзалов для меня нет. Индийские поезда я тоже полюбил сразу. С одной стороны, в них есть что-то архаичное и беззаботное, здесь можно стоять в тамбуре с открытой дверью и, подставив лицо ветру, восторженно глядеть на пальмы, реки и горы. В то же время вагоны оснащены современными приборчиками, глядя на них, понимаешь, что они появились в третьем тысячелетии и пользоваться ими могут только в технически развитой стране.

Несколько раз я садился в поезд по general ticket, это такой самый дешевый входной билет, но ехать сразу после долгого перелета в вагоне, набитым битком простым людом, испытание

не для слабонервных. Хотя в Индии привыкаешь и не к такому. Попав в поезд, я переходил в тамбур поудобнее в sleeper класс, самый житейский тип вагона, похожий на наш плацкарт, и ехал там как ни в чем не бывало. Билеты в индийских поездах проверяют неоднозначно, в основном только по местам. Кто и чем занимается в тамбуре, где, как в проходном дворе, контролеры особо не интересуются. Пару раз так в тамбуре я проехал от Мумбая до Гоа.

В этот раз снова пришлось взять general ticket, потому что наш Mandovi Express отходил через час, а касса для иностранцев открывалась только в десять утра и других билетов не было. В поезде всегда можно доплатить и занять место получше, правда, никогда не знаешь, во сколько это обойдется. Со мной была попутчица и двенадцатичасовая езда в тамбуре явно сказалась бы на ее самочувствии. Поэтому после отправления я полчаса активно побегал по всему составу туда-сюда вместе с человеком, которого заинтересовала ситуация, в поисках другого человека, который, взяв тысячу рупий, вычел двести за general ticket и определил места в sleeper классе по цене в два раза больше обычного. Спорить в таких случаях не о чем, ведь вам и так пошли навстречу. А дальше все удовольствия индийского плацкарта, где, как и в нашем, жизнь бьет ключом, но здесь еще куча вентиляторов под потолком, обитаемые полки вверх три ряда и постоянно прибывающий народ на станциях, где кипит своя неутомимая жизнь. Смотришь на нее и диву даешься — о, господи, неужели это все возможно, неужели к этому можно привыкнуть.

На соседних полках с нами ехали женщина-доктор с ребенком, пожилые муж и жена, парочка молодых скандинавов и полный вагон прочих вполне приличных личностей, которые всю дорогу улыбались, ели, пили, спали и глазели на нас да по сторонам. Прощаясь, доктор дала свою визитку, покрытую вязью индийской письменности. Надо учить хинди, решил я, слушая, как кричат пробегающие по вагону торговцы всякой снедью:

— Цай! Цай! Кофи! Самоса! Гарам-гарам!

С опозданием в час после захода солнца мы прибыли на станцию Пернем. Это еще не худший вариант, индийский поезд может опоздать на пять-шесть часов и больше. Одному моему знако-

мому пришлось десантироваться на ходу из вагона, чтобы успеть на самолет, пока состав не спеша следовал мимо нужного аэропорта к вокзалу с опозданием в пять часов. И это вполне нормально, к этому привыкаешь.

***

Есть люди, которые утверждают, что Гоа — это не совсем Индия, и даже, что это самый неприличный из штатов. Даже принимая во внимание, что Гоа последним обрел независимость и полноправно вошел в состав Индии лишь в 1987 году, все равно Гоа — это Индия. Пусть с удобствами, европеизированная, но все равно Индия. Храмы, деревни, люди, коровы, собаки, кошки и пальмы мало чем отличаются от тех, что видишь, путешествуя по всей стране. Здесь так же, как и по всей Индии, можно пойти рано утром на базарчик и купить разливного буйволиного молочка или свежих арбузов прямо с машины.

А еще есть море, и рядом с ним проникаешься тем, что *samudra*¹ (звучит-то как! Са-мудра!) — причина всех причин, чтобы любить и жить. По крайней мере, для таких людей, как я, увлеченных идеей всепроникающей силы моря. На побережье таких немало. Когда первые португальцы ступили на песок девственных индийских пляжей, они и представить себе не могли, что за народ сюда понаедет со всего света, и как через пятьсот лет здесь будет не протолкнуться среди европейцев. Много чего не могли представить первые колонисты, как и сейчас трудно представить магическое очарование страны Бхаратов по фотографиям, фильмам и рассказам. Они не дают полного представления об индийской сказке, растянувшейся на тысячелетия. Ее нужно ощутить вживую, слушать и пробовать на вкус.

Индия чрезвычайно музыкальная страна, а Гоа самый музыкальный ее штат. Кажется, музыка здесь звучит отовсюду и также естественно, как дневной бриз дует с моря на сушу: джаз, блюз, регги и трансвая музыка, рожденная на этом побережье неслучайно, построенная на ритмах и вибрациях океана, она органич-

---

¹ Samudra — море (хинди).

но вписывается в окружающее пространство, как неотъемлемая его часть. Праздники и концерты проходят почти каждый день. В храмах они устраиваются представителями разных концессий, в шейках и клубах, чтобы расшевелить туристов, в домах приезжих ради праздника жизни. И на любом таком мероприятии ясно, что вся эта неповторимая музыкальность вокруг неспроста, как неспроста отлично танцуют и поют здешние боги. Весь ритм Индии, сама она, все ее формы и содержание, ее природа, ее прошлое, настоящее и будущее — все музыка. В Индии музыка изначально имела философско-мистическое толкование и понималась как божественное проявление, открывающее путь к единению с божественным началом.

— Здесь часто играют хорошие музыканты, — рассказывал друг, живший с октября в деревне в десяти километрах от побережья, — я на Новый год пойду на Прем Джошуа (Prem Joshua), а в январе будет концерт Гребенщикова в Арамболе. Да и сегодня прогуляемся, послушаем кое-что интересное.

Выяснилось, что парочка молодых барнаульских музыкантов, Артём Демидов и Катя Злобина, назвавшись *Vena Portae*, давали концерт в одном из арамбольских кафе. Меня не удивил факт присутствия на сцене земляков, они выдавали правильные и вкусные звуки, используя вибрафон, гитару и шумовые эффекты. Было просто и хорошо их слушать, как бесконечный шум волн Аравийского моря. Я пил чай масала и думал от том, что север Гоа, может, странное место и количество фриков на квадратный метр растёт, но именно здесь понимаешь, что мир не так велик, всегда можно сменить род занятий и перебраться туда, куда тебе нравится, и почувствовать, что путешествовать — это нормальное состояние, и его может позволить себе каждый. Мысль не новая, но не каждый способен применить ее на деле.

Из задумчивости меня вывел знакомый женский голос диспетчера автовокзала, объявляющий рейс: «Барнаул... Калманка». Он звучал из колонок, сэмплированный и замиксованный, возникшая из пространства, как еле различимый повторяющийся привет с Алтая. С концерта я вернулся в самом музыкальном настроении, было около полуночи. В индуистском храме по соседству шел праздник, показывали костюмированные сцены из жизни Криш-

ны, стучали барабаны, звучали песни и мантры. Праздник длился три дня и три ночи. Следом также шумно и весело праздновались католическое Рождество и Новый год.

***

В нашем доме по воскресеньям проходили семинары по ведической астрологии, где приятной внешности мужчина кратко излагал работы Роберта Свободы по аюрведе и джьотиш. Пришедшие также могли узнать, как жить по Ведам, какие дела благочестивы и улучшают карму. Вроде бы все должны помнить это с детства, но вместо прогулки у моря перед сансетом мы сидели и усердно записывали, что надо освещать темные места, садить деревья, воспитывать детей, кормить людей, животных и ухаживать за растениями. В общем, много чего полезного для тех, кто подзабыл основные правила жизни. Эту часть семинара проводил пожилой седобородый армянин Самвел, он скромно называл себя «просто местный блаженный», но туристы ходили за ним как за гуру, брали автографы и делали селфи. Надо полагать, никто из них не был увлечен идеями Джидду Кришнамурти о свободе от известного.

Более содержательным и продолжительным было самообучение хинди. Начали мы с просмотра программы «Полиглот», которую мой друг привез с собой вместе с самоучителем хинди на английском языке. А надо сказать, что друг мой очень обстоятельный человек, мало того, что он снял на два месяца двухэтажный пентхаус с выходом на крышу, обустроил его на свой вкус, оставил нас гостить на эти два месяца, так еще и выполнял просьбы и поручения всех друзей в окрестностях. После завтрака у нас проходил урок, день уходил на маленькие путешествия по окрестностям, а вечером перед сном друг убеждал меня, что необходимо повторить пройденное и попрактиковаться в произношении новых слов. Скажу честно, благодаря этой настойчивости, вскоре я стал понимать, о чем говорят на пляже индусские дети, приехавшие с севера вместе с родителями, на юге Индии и в Гоа чаще говорят на местных наречиях.

К середине пятого урока мы узнали, что «вчера» и «завтра» на хинди звучат одинаково kal (каль). И только по смысловому гла-

голу в конце предложения можно определить о завтра или вчера идет речь. Вот на таком понимании пространства и времени построено мировоззрение индусов. Их радостные улыбки и ничем не обусловленное благодушие в неприятии потока времени, вчера и завтра для них иллюзия бытия, существует лишь сегодняшний день и он всегда прекрасен. Такую версию существования можно понять и принять. Как писал Джон Кехо, в любом возрасте можно научиться мыслить по-другому.

***

В Индии мыслить начинаешь по-другому, когда с тобой начинают происходить маленькие и большие чудеса. В одну из прошлых поездок мы задержались в Гоа до апреля, становилось жарко, и решили ехать на север Индии в Ришикеш. Обратный билет на самолет у нас был через Дели, а там в это время хорошо, сезон манго и не жарко. Билеты на поезд удалось купить только в кассе для иностранцев в Маргао. Пока собирали вещи в дорогу, увидели геккона, сидевшего на клапане моего рюкзака. Он нам попозировал, пока мы его фотографировали, и исчез. Утром навьюченные вещами мы потащились на автобус, дорога до вокзала в Маргао на местных автобусах растянулась на полдня.

В поезде, поглазев в окно, мы решили перекусить, я откинул клапан рюкзака и увидел сидевшего под ним знакомого геккона. Мы ему очень удивились, но решили не беспокоить и стали пользоваться поездной кухней. О чем тоже надо упомянуть. Заказали мы чикен бириани (Chicken Biryani), то есть курицу с рисом и кучей специй. Нам приносят тарелку, видим один рис, спрашиваем, а где курица, индус что-то лопочет в ответ, где же она, спрашиваем опять, «О!» — воскликнул индус и проткнул пальцем наш рис, указывая тем самым, что курица под ним. Мы не побрезговали и все съели. А геккон ехал с нами в поезде две ночи и три дня. В Дели в гостинице мы снова обнаружили его под клапаном рюкзака, но наш попутчик тут же сбежал в душевую и за окно.

— Вот так вот безбилетными зайцами гоанские гекконы перебираются в самую жару в делийские трущобы, — подытожил я.

Через три дня по дороге на вокзал Нью-Дели в кафе на Мэйн Базаре (Main Bazaar) мы снова обнаружили нашего знакомого под клапаном рюкзака. И снова не стали его тревожить. В поезде на Харидвар в сидячем вагоне геккон перебрался из рюкзака именно в наш пакет с бананами на столе и радовал взгляд пассажиров до конечной станции. В ночной вокзальной суматохе в поисках рикши от Харидвара до Ришикеша мы не следили за гекконом, а сев, поняли, что пока он едет с нами. В дороге мы несколько раз останавливались у Ганги. Вытащив вещи и расплатившись, мы поняли: наш попутчик уже исчез. Приехал ли он с нами в город йогов и духовных практик Ришикеш или, может, сошел у Ганги в районе Харидвара, где Ганга именуется «Мокша прадайини» (Дающая освобождение), чтоб попить оттуда святой водички в праздник очищения Кумбха-Мела и переродиться, можно только догадываться. Главное, что после нашего совместного путешествия осталась уверенность, что жизнь никогда не перестанет нас удивлять по-хорошему.

В самом Ришикеше, где мы пробыли несколько дней, эта уверенность возросла. Жили мы в районе моста Лакшман Джхула, где когда-то Махатма Ганди восторгался окружающей природой, и мы тоже восторгались, и уже не понимали, почему «отца нации» «возмущал способ использования людьми этих прекрасных мест». Ну мусорят — так везде же мусорят.

В первый день мы пошли вдоль Ганги вверх по тропе в Гималаи, куда уходил великий йогин Шри Девраха Баба, проживший более 200 лет. По крайней мере, первый индийский президент, лично засвидетельствовал, что возраст Девраха Бабы превышает полторы сотни лет. В сороковых годах прошлого века он давал Махатма Ганди спасительные для жизни советы², а в конце восьмидесятых дал интервью корреспонденту советского телевидения для популярной тогда программы «Взгляд». До этого в девят-

---

² По рассказам, Девраха Баба отдал Ганди свое старое одеяло и наказал, чтоб оно всегда было при нем, и тогда с ним ничего не случится. Ганди носил одеяло с собой, но однажды, выйдя из дома, не взял его и был застрелен. Впрочем, 78-летний Ганди за несколько дней до смерти сам говорил, отказываясь от излишней охраны: «Если мне суждено погибнуть от пули безумца, я сделаю это с улыбкой». Так он и сделал.

надцатом веке, как утверждают его последователи, Шри Девраха Баба был учителем одного из английских принцев. Он говорил так: «Блуждать во вселенной — Извечная участь людская... вехи нет никакой. Нам неведома наша дорога земная...»

Так вот на той дороге, по которой ходил Девраха Баба, нам встретилась компания молодых индусов на машине. Они нас подвезли немного и долго не хотели отпускать, расспрашивая, кто мы и откуда. Потом мы встречались несколько раз в самом городе в самых неожиданных местах. При каждой встрече они очень радовались и напоминали о предыдущих встречах. Вечером последнего дня нашего пребывания в Ришикеше мы шли через весь город на автостанцию, утром у нас был поезд из Харидвара до Дели. Идем по темноте вдоль дороги, нас обгоняют автомобили, и вдруг одна из машин притормаживает, оттуда протягивается черная рука, трогает меня и чей-то голос говорит:

— Итс э дистэни! (Это судьба!)

Выяснилось, что те самые наши знакомые индусы, которые встречались нам все эти дни, едут в Харидвар. В машине их было четверо, но они потеснились, и мы поехали вместе, продолжая знакомиться. Наши новые друзья приехали из Дели на своей машине, туда и возвращались. Они говорили, что в Ришикеше так просто подобных встреч не бывает и это судьба, нам нужно вместе ехать в Дели. Но моя подруга испугалась чрезмерно эмоциональных молодых индусов и заподозрила у них недобрые мыслишки. Они это почувствовали, сказали об этом и просто подвезли нас к поезду, угостили фруктами и уехали, уверенные, что мы еще встретимся. А мы переночевали на перроне и встретили утро с обезьянами, которые пытались стащить подаренные нам фрукты.

***

Ох уж эти индийские обезьяны. Будете в Хампи, обязательно поднимитесь на гору, где стоит Хануман Темпл (Hanuman Temple). Побродив вокруг него, вы поймете и узнаете про обезьян многое,

а вид, который откроется с горы на долину реки Тунгабхадры, упадет в душу как один из самых чудеснейших. Где-то здесь родился весельчак Хануман, правил своими ванарами и летал по воздуху. По красивой легенде Рама за преданность подарил Хануману земли в районе доледниковой Сибири. Так ли это на самом деле было, неважно, мир, возможно, катится к следующему ледниковому периоду и теперь важнее то, что откроется каждому сидящему на своей внутренней вершине.

Я сидел на вершине у Хануман Темпла и понимал, что это один из самых красивых холмов в мире. И этот самый красивый холм сейчас и есть сама Индия, с нее обозревается то, что не увидишь в обычной ситуации, что открывается в тебе только при взгляде сверху над обыденной жизнью. Мне, как в песне БГ, открылась «радость того, что все в надежных руках...» Внизу лежала столица Ваджаянагар, стоящая на фундаментах, которым тысячи лет. Древняя Индия во всей волшебной красоте. На закате удивительные скалы вокруг предстали причудливейшим пейзажем, как с другой планеты, нечто похожее я видел только в меньшем размахе на берегу Колыванского озера.

***

Мы лежали на карематах за пальмовым забором в нескольких шагах от сцены, где проходил концерт БГ. Ощущения были превосходные: возлегая под пальмой, мы смотрели на звездное небо, жевали бананы да виноград, и слушали любимые песни:

— Моя профессия с утра до полвторого считать, что я твоя священная корова. Священная корова, небесная манна, пускай питательна, но не всегда гуманна.

Куча народу с обеих сторон забора, пальмовые листья которого непрерывно раздвигались, чтобы лицезреть Борис Борисовича, и все кричали: «Браво!»

— Помнишь как на хинди «браво»? — спросил друг.

— А... вахвахи и еще шабаш.

— Точно. Ну, давай крикни.

— Э, — еще подумал я и крикнул: — Ванде Матарам!³

— Ты еще хотел Самаведы почитать, — напомнил друг. — Там рассказывается, как ставить голос, чтоб его было слышно за десятки километров.

Уезжая в конце января, друг устроил концерт на крыше нашего дома. Верхушки пальм с кокосами, за ними заходящее солнце и наши знакомые Vena Portae со своим космическим звучанием. Такие моменты в жизни запоминаются надолго, даже если бывают нередко. В Индии вместе с друзьями времени проводишь больше и интереснее, к этому располагает все вокруг. Когда все разошлись, а мы поджидали такси в аэропорт, в темноте прошла одинокая корова, она печально промычала что-то похожее на глубоководную песню китов.

— Ну, прощаемся, — сказал я, обняв друга, — доброго тебе пути, встретимся через год.

— Хорошо, — сказал друг, — а вы ... берегите коров⁴.

***

В феврале была поездка в Гоккарну на Шиваратри, там мы жили в бунгало прямо у моря, за водой ходили на гору к источнику у храма Рамы. Ночью бегали за колесницей Порвати, катившейся с горки, и вместе со всеми кричали: «Хар-хар Махадев!» У храма Шивы купили рудракши и освятили внутри. Под утро я гулял по кромке моря и ощущал два пространства по краям: одно — извечное неизменное, другое — населенное людьми, постоянно меняется, временами растворяясь в первом. И почему-то только в Индии от-

---

³ Vande mataram — песня, ставшая национальной, была написана на санскрите Бонкимчандрой Чаттерджи и вдохновляла индийцев на борьбу за независимость. Впервые исполнена в 1896 году на сессии Индийского национального конгресса. В 1909 году Шри Ауробиндо сделал ее английский перевод: «Я кланяюсь Тебе, о Мать, Полноводная, плодородная, Овеваемая прохладными южными ветрами, Темная от обилия хлебов, О Мать! Ее ночи наполняют сердце радостью в сиянии лунного света, Ее земли прекрасны в убранстве из цветущих деревьев, Ее смех прекрасен, и прекрасна речь, О Мать, дающая благо, дающая блаженство».

⁴ По рассказам, это были последние слова Шри Девраха Бабы.

крываются створки моего сознания и внимают таким ощущениям и пространству вокруг. Может, потому что, как писал Шри Ауробиндо, что истина индийского бытия — «это истина Души, воплощенной в Природе, стремящейся познать себя, найти себя, расширить свое сознание, чтобы возвыситься до более великого бытия».

Чем больше времени проводишь в Индии, тем она становится роднее и роднее. Понимаешь, что жизнь без нее, как без матери, будет неполной. Начинаешь верить, что у славян и индусов схожий код ДНК, общие предки. Живешь, путешествуешь по Индии и проникаешься тем, что знания общих предков у индусов сохранились более целостно и тянет прикоснуться к этим истокам, освоить их сакральное знание пространства снаружи и внутри человека.

Семь лет назад я впервые приехал в Индию. Что-то купив, я с первой сдачей получил монету с изображением Шри Ауробиндо. Я воспринял это как знак, потому что в девятнадцать лет случайно приобрел в барнаульском магазине «Пенаты» книгу Шри Ауробиндо «На пути к сверхчеловечеству». Она меня впечатлила на всю жизнь, мое мировоззрение во многом созвучно с философией Шри Ауробиндо. И вот уже семь лет я собираюсь съездить в Ауровиль, город, построенный по проекту индийского мудреца. Однако попадаю туда, куда не мог не попасть.

Перед отъездом я перебрал почитанные за три месяца в Индии книги, составил их в нужном порядке и увидел определенный смысл: «Основы индийской культуры», «Ригведа», «Физика бессмертия», «Квантовый воин: сознание будущего», «В стране магии», «Охотник» и «Море синее...».